В. СОРОКИН

КАПИТАЛ

Владимир Сорокин

Капитал

Пьесы

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С65

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Сорокин, Владимир
С65 Капитал. Пьесы / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-17-108674-9

В сборник “Капитал” вошли все пьесы Владимира Сорокина, написанные за четверть века — с середины 1980-х по конец 2000-х.
Выстроенные в хронологическом порядке, они ярко демонстрируют не только разные этапы творчества писателя, но и то, как менялся главный герой его произведений — русский язык во всех проявлениях: от официозного до интимного, от блатного до производственного жаргона. Карнавальная составляющая сорокинской полифонии разворачивается в его драмах в полную силу и завораживает многообразием масок, у которых есть одна, но очень важная общая черта: все они напоминают (или попросту передразнивают) героев русской классической прозы.
В конце 1980-х Сорокина ставили полуподпольно, в девяностых “Dostoevsky-trip” и “Щи” играли в легендарном московском Театре на Юго-Западе, середина 2000-х отмечена альянсом писателя с театром “Практика” и удачными постановками “Свадебного путешествия” и “Пельменей” в России и Германии. Но несмотря на разную сценическую судьбу, пьесы Сорокина всегда точно попадали в нерв времени, предсказывая и опережая тенденции развития современного русского театра.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-17-108674-9

© Владимир Сорокин, 2010, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ®

Содержание

Землянка 9

Доверие 57

Пельмени 111

Русская бабушка 163

Юбилей 191

С Новым годом! 223

Дисморфомания 241

Hochzeitsreise 321

Щи 389

Dostoevsky-trip 491

Капитал 541

Занос 585

· Землянка ·

Действующие лица

Соколов Сергей Петрович — *25 лет, старший лейтенант.*
Волобуев Виктор Тимофеевич — *42 года, лейтенант.*
Денисов Алексей Васильевич — *24 года, лейтенант.*
Рубинштейн Зиновий Моисеевич — *20 лет, лейтенант.*
Пухов Иван Иванович — *20 лет, лейтенант.*

В центре темной сцены тесная прокопченная землянка. В ней на грубых березовых комельях сидят Соколов, Волобуев, Денисов, Рубинштейн. Они в полушубках, перетянутых портупеями, в шапках-ушанках. Посередине землянки стоит ящик из-под снарядов, на ящике — сделанная из гильзы лампа-коптилка. В углу потрескивает печка-буржуйка.

Волобуев (*грея руки над буржуйкой*). Ну что, Леш, почитай газетку.

Денисов (*расстегивает полушубок, бережно достает газету, разворачивает*). Так…

Соколов. Да ты двигайся ближе, не видно ж ничего.

Рубинштейн (*берет коптилку, подносит к газете*). А мы вот так устроим.

Денисов (*устало усмехнувшись*). Во. Как днем. Так…

Читает.

В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки…

Соколов (*перебивает*). Погоди-ка! Что ж мы про Ваню за-

были? Подожди, Леш, он сейчас вернется, тогда все и послушаем.

Волобуев. Да что он, сам не прочтет? Придет и прочитает. Читай!

Соколов. Отставить. *(Укоризненно Волобуеву.)* Как харчи принести — так Пухов.

Волобуев (*недовольно*). А что… у кого кость помоложе, тот и пусть подсуетится. Нам денщиков не положено — рожей не вышли.

Рубинштейн. Вы, Виктор Тимофеевич, всем вышли, а вот равных по званию почему-то не уважаете.

Волобуев. Эх, мальчики. Попались бы вы мне год назад. Когда я в майорах ходил. Тогда б поговорили об уважении.

Соколов. Да хватит вам, Волобуев. Будто мы все виноваты, что вас разжаловали.

Волобуев (*расстегивает ремень и полушубок*). Хватит, не хватит… Вы на войне без году неделю, а мне вон… (*Снимает ушанку, показывает шрам на виске.)* В Гражданку еще влепили белые. Тогда помоложе вашего Пухова был. Финскую прошел. Вот и толкуйте, кто кого уважать должен.

Денисов. А за что же вас… ну… того?

Волобуев (*достает кисет, принимается сворачивать самокрутку*). За что, за что… За то, что не люблю, когда врут и цену себе набивают.

Рубинштейн. Это как?

Волобуев. Да вот так. Были на маневрах, под Киевом. Ну, я батальоном командовал, а в политруках у меня такая сволочь ходила — не приведи встретиться. Карьерист, выскочка, сынок генеральский. Ну и короче, когда Днепр форсировали, у нас солдат утонул. А эта сволочь дело так представила, что, дескать, солдата специально утопил другой солдат.

И сделал это потому, что в душе был классовым врагом. Вот. Ну и пошел раздувать, особистов на солдата навесил. Потом и сержанта зацепил, а после, глядь — и старшину нашего, Петровича. Тот ему, гаду, в отцы годился. Ну, здесь уж я не стерпел, вызвал его на разговор. Как же, говорю, так можно преданных людей марать? А он мне — у тебя, Волобуев, политическая близорукость. У нас в батальоне троцкистские выкормыши свое тайное гнездо вьют, а ты не видишь ничего. Вот как. Смотрит на меня орлом, а после говорит — если, Волобуев, ты и дальше будешь покрывать классовых врагов, то я доложу кому надо. Ну, тут я уж не сдержался — кааак врежу ему по роже. Он с копыт. А я — с майоров.

Отворяет дверцу печки, поджигает ветку и прикуривает. Дверь землянки распахивается, входит Пухов с двумя большими котелками в руках.

Пухов. Принимай жратву, братцы!
Волобуев. Во! Это — дело!

Все помогают Пухову расположить котелки на ящике.

Пухов. Нам самый верх! А каша с маслом.
Рубинштейн. Вань, ты просто Кутузов!
Денисов. Наш Ваня — человек бывалый.
Пухов. А то как же!
Волобуев. По местам.

Достает ложку, открывает котелок.

Со щей начнем.
Соколов. Леш, достань хлеб.

Денисов (*развязывает вещмешок, вынимает буханку*). На.
Соколов (*режет хлеб*). Вань, как там обстановочка?
Пухов. Нормально. Твои на гармошке играют.
Соколов (*усмехается*). Это Диденко. Хороший парень.
Волобуев. Ну что, командир, замочим жало?

Соколов вынимает фляжку со спиртом, Рубинштейн дает кружку. Все по очереди пьют из кружки спирт и принимаются есть из котелка.

Соколов. А мы, Ваня, без тебя газету не читали.
Пухов. Вот спасибо. Может, почитаем?
Денисов (*хлебая щи*). Дай поесть сперва.
Пухов. Поесть успеешь. У кого газета?
Денисов. У меня.
Пухов. Дай почитаю.

Денисов передает ему газету.

Пухов (*читает*). В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки умели делать по-гнилому. Мы делали по-гнилому, развертывали по-гнилому, и стаскивали по-гнилому, и клали по-гнилому, положение теплое по-гнилому, положение участливое по-гнилому, урон выщербленных по-гнилому, дислокация тебя по-гнилому, наматывание на вал по-гнилому, чешуйчатость половины по-гнилому, полевая батарея по-гнилому, пленный дивизион по-гнилому…
Волобуев. Не гони. Читай помедленней.
Пухов (*продолжает медленней*). Распределитель веса по-гнилому, использование огня по-гнилому, отслаивание детей по-гнилому, окопная война по-гнилому, делание через чох по-гнилому, обрадование

по-гнилому, тропинчатость по-гнилому, делать ворот по-гнилому, искроулавливатель по-гнилому, тайный маршрут по-гнилому, полодие по-гнилому, лампопрокатчик по-гнилому, бумагоделатель по-гнилому, речное большинство по-гнилому, резка вещей по-гнилому, чужие поручни по-гнилому, телефонизирование по-гнилому, бронхиальные кнопки по-гнилому, буквопечатание по-гнилому, лошадиный инвентарь по-гнилому, истаро истаропно по-гнилому, четность ошибок по-гнилому, истопник пружин по-гнилому, дело детей по-гнилому, отправление корпуса по-гнилому, поздравления по-гнилому.

Соколов. Ну и правильно. Давно пора эту пробку вышибать.

Рубинштейн. Эх, товарищи, хорошо бы их там всех поморозило к чертовой мамушке!

Денисов. Сначала мороз поморозит, а потом мы будем морозить так, что нам потом будут делать только на мороз. Ну… то есть, ну, когда… *(жестикулирует ложкой)* морозят сильно, то есть очень сильные подмораживания по правилам. Сильно их, а?

Волобуев. Подморозим, не боись. Дай только время. Они еще от нас будут Берлин оборонять. Доберемся до логова, тогда и поморозим.

Соколов. Ну, морозить там, не знаю. У них тепло, климат европейский.

Рубинштейн. Климат — да. У них исключительно тепло. Но иногда и холодные зимы бывают.

Ест из котелка.

Пухов (*разглядывает газету*). А тут еще… вот.

Читает.